

DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-112-122

КАПИТАЛИЗМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ, А “ПРЕДЫСТОРИЯ” – НЕТ?

© 2022 г. Л.Г. Фишман

ФИШМАН Леонид Гершевич, доктор политических наук, профессор РАН,
ORCID 0000-0001-5062-8291, lfishman@yandex.ru
Институт философии и права УрО РАН, РФ, 620137 Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Статья поступила 31.05.2022. После доработки 16.06.2022. Принята к печати 13.07.2022.

Аннотация: Предпринимается попытка ответа на вопрос: оправданно ли описание Современности в категориях “капитализма”? Показывается, что по мере развертывания истории XX–XXI вв. в рисуемых теоретиками картинах капитализма становилось все больше не типично капиталистических элементов. Поэтому становится актуальной Марксова концепция человеческой “предыстории” как более универсальная парадигмальная рамка для осмысления современных тенденций. Это позволит выделить определяющие ее характер общественные отношения сами по себе, а не таким образом, каким они выглядят через призму обличающих или апологизирующих их политических дискурсов.

Ключевые слова: капитализм, социализм, посткапитализм, “человеческая предыстория”, марксизм.

CAPITALISM IS ENDING, BUT “PREHISTORY” IS NOT?

Leonid G. FISHMAN,
ORCID 0000-0001-5062-8291, lfishman@yandex.ru
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, S. Kovalevskoi Str.,
Ekaterinburg, 620137, Russian Federation.

Received 31.05.2022. Revised 16.06.2022. Accepted 13.07.2022.

Abstract. This article attempts to answer the question: is the description of Modernity in terms of “capitalism” justified? The author shows that during the history of the 20th-21st centuries, the pictures of capitalism drawn by theorists got more and more atypical elements. Among these are the theories of imperialism, dependent development, a single industrial society, and especially the world-system analysis. Also noteworthy is the description “modern” applied to the societies of this period. A situation has arisen where many phenomena fit into the concept of “capitalism”, or “capitalism with numerous prefixes”. Thus, “capitalism” in various guises becomes “too much”. Eventually, capitalism itself has come down to the universal phenomena of violence, inequality and exploitation. The productivity of discussing modernity in a paradigm revolving around the notion of “capitalism” is becoming less and less obvious. Too wide range of practices has become associated with “capitalism with prefixes”, which forced a number of researchers to refuse to identify modernity with capitalism in favor of various concepts based on retro-metaphors (“neo-feudalism”). Numerous concepts of “post-capitalism” have also emerged. The author substantiates that at the theory layer, the difference between the types of what is still interpreted as “capitalism” or already as “post-capitalism” does not have a qualitative character. Of all the aforesaid, the marxian concept of human “prehistory” becomes relevant as a more universal paradigmatic frame for comprehending modern trends. Therefore, the concept of communism will still remain a worldview horizon that gives a meaning to this “prehistory”. In a situation where capitalism ends, but “prehistory” does not, this will make it possible to single out social relations that determine the “prehistory” nature by themselves, and not through the prism of denouncing or apologizing (which is “capitalism” initially) of their political discourses.

Keywords: capitalism, socialism, post-capitalism, “human prehistory”, Marxism.

About author:

Leonid G. FISHMAN, Professor Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science.

СОВРЕМЕННОСТЬ = КАПИТАЛИЗМ?

С тех пор как “реальный социализм” потерпел поражение, “конец истории” наступил только наполовину: мирового торжества либерализма не случилось, однако осмысление Современности как “капитализма” осталось доминирующим. Теоретические предпосылки осмысления социальной эволюции человечества (социального прогресса) все еще во многом восходят к сформировавшимся

ся во времена Маркса и Вебера идеально-типичским представлениям о капитализме¹. Согласно последним, капиталистические социально-эко-

¹ К характерным чертам последнего обычно относят стремление к увеличению буржуазией своих прибылей, которое является основным мотивом расширенного воспроизводства капитала; господство товарно-денежных отношений, то есть товарного рынка. Необходимый момент капитализма – постоянно углубляющееся отчуждение, порождаемое самим механизмом купли/продажи рабочей силы и господством товарного производства.

номические отношения являются основаниями Современности; прежние практики эксплуатации базировались на отсталом “внеэкономическом” принуждении – капитализм же устраняет их, заменяя принуждением “экономическим”, не прикрытым морализаторским лицемерием. Несмотря на присущий капитализму рост экономического неравенства, во многих прочих отношениях (в частности расовых и половых) он радикально уравнивает людей. Идеально-типический капитализм есть царство почти исключительно “экономического принуждения”, тогда как еще существующие практики несвободного труда, а также отношений, основанных на различных видах восходящего к древности неравенства и угнетения, являются нетипичными и обреченными на исчезновение.

Тем не менее по мере развертывания истории XX–XXI вв. в рисуемых теоретиками картинах капитализма становилось все больше тех самых не типично капиталистических элементов.

Уже теоретики империализма во многом исходили из того, что в локальном социальном и глобальном масштабе все большую роль начинают играть отношения, связанные скорее с “вечными” сюжетами господства и подчинения, а не с относительно недавними буржуазными представлениями о капитале, частной собственности, эксплуатации. Этому способствовали сращивание капитала с национальным государством и все возрастающая милитаризация, которая возрождала к жизни едва ли не средневековые представления о достойных гражданах и патриотах [1, с. 221].

Теории зависимого развития и миросистемный анализ также способствовали изменению представлений о природе капитализма и его месте в истории общественных отношений. Исходя из миросистемного анализа общественно-историческая формация существует только в совокупности стран, регионов. Это означало, что даже в ее “центрах” формация разворачивается, будучи как отягощенной “пережитками прошлого”, так и наследующей и преумножающей преимущества, вытекающие из этого прошлого в виде имеющихся у элит (и не только) разного рода накопленных ресурсов. Из этого вытекало, что капитализм в передовых странах именно потому и является передовым, что вырастает из преимуществ, достигнутых в рамках докапиталистического прошлого и остающихся как конституирующие факторы в настоящем.

Картина идеально-типического капитализма размылась еще больше в связи с появлением теорий единого индустриального общества, объединивших в одну категорию как советский социализм, так и западный капитализм. Возникли представления и о едином постиндустриальном обществе, в частности теория Д. Белла, а также

концепции теоретиков Франкфуртской школы, в рамках которых предполагалось, что “дальнейшее развитие капитализма будет порождать мотивы и потребности, несовместимые с его социальной организацией” [2, с. 95]. Впрочем, в рамках Франкфуртской школы существовала и теория “негативной конвергенции”, оказавшаяся более реалистичной. Ее представители (Р. Хейлбронер, Г. Маркузе, Ю. Хабермас), в противоположность сторонникам “позитивной конвергенции”, считали, что, скорее всего, произойдет усвоение как раз «негативных явлений противоположной системы, которые та уже успела преодолеть (эгоистический индивидуализм на стадии “дикого” капитализма) либо сама переживает (коррупция, эксцессы массовой культуры)» [3, с. 36].

Другой стороной того же процесса стало то, что вместо капитализма все чаще начали говорить о “Модерне”. Однако сосредоточение внимания на Модерне привело к признанию того, что в современных обществах (и особенно в условиях “множественной модерности” [4]) параллельно с освобождением были обнаружены новые формы угнетения. Выяснилось, что многие эмансипаторские обещания Модерна остаются невыполненными в силу естественного сопротивления наследия прошлого. Появились основания полагать, что они и не могут быть выполненными в силу того, что сама природа Модерна не совсем верно понята, что его эмансипаторский потенциал переоценен, а роль разного рода “пережитков прошлого” недооценена. Это побудило ряд авторов исследовать скрытые дисциплинарные практики Модерна, поднимать проблематику нестабильного сосуществования и постоянной борьбы между капитализмом и автономией, рассматривать Модерн как поле постоянного напряжения, структурированное между требованиями эмансипации и подлинных форм жизни, с одной стороны, и рациональным господством и доминированием – с другой, говорить даже о “самоаннулировании Модерна в и через его собственные практики” [5, сс. 45–46]. Наконец, в парадигме Модерна капитализм стал отождествляться с “современностью” и “экономикой”, а капиталистические отношения – с доминирующими социальными связями.

Капитализм считался единственно подлинной “экономикой”, а все, что наряду и помимо нее, – область “иррациональности” и “культуры”. При этом “экономику” долгое время отделяли от “культуры”, поскольку она рассматривалась как сфера рационального выбора, способствующего принятию наиболее эффективных решений (тогда как культура – как сфера иррациональности). Когда эта парадигма была поставлена под сомнение, оказалось – то, что рассматривается как “иррациональная” культура, является тоже рациональностью,

имеющей своим результатом “эффективность”, которая ничуть не утрачивает своего значения и по сей день. В современной экономической науке модели наиболее эффективной экономики, которой соответствует единственно эффективная культура (“множество сочетаний институциональных параметров”, среди которых есть “только одна оптимальная комбинация” [6, с. 369]), противопоставляется модель со “множеством вершин”, в которой “каждая культура ассоциируется с результатом, оптимальным согласно ее собственным критериям” [6, с. 370], с “субъективным благосостоянием”, означающим “оценку того, насколько люди в разных обществах достигли тех целей, которые близки именно им” [6, с. 372]. Но были ли модели экономики “со множеством вершин” все еще капиталистическими (“оптимальными” и “эффективными”) или уже нет? Так или иначе, *изначально “капиталистический” концепт эффективности начал работать против парадигмы капитализма как исчерпывающего описания экономической стороны Современности*. Учитывая же то, что Модерн четко от капитализма не отделялся и было неясно, что является отклонением от Модерна, а что его продолжением, те, кто “стреляли” в Модерн, фактически попадали в капитализм, делая наши представления о нем все более размытыми.

В изменение представлений о природе капитализма внесло свой огромный вклад и то, что во второй половине XX в. капитал оказался в значительной мере укрощенным, ограниченным как практиками “реального социализма”, так и деятельностью “социального государства”. Одним из следствий стало формирование “вялой” “теории капитализма без капитала, способного к действиям”, теории, представляющей капитал исключительно “рабочей лошадкой” [2, с. 97]. Такое вырождение капитализма в теории стало следствием исключения из капитала его политического момента, его “докапиталистической” связи с властью, влиянием, всем тем, что придает ему импульс к действию и экспансии. Впрочем, именно укрощенный капитализм с капиталом—“рабочей лошадкой” считается многими исследователями капитализмом “золотого века” и описывается как “функциональный” (то есть справляющийся со своими экономическими и социальными задачами, сбалансированный), тогда как капитализм постфордистской эпохи — как дисфункциональный.

При дисфункциональном капитализме бизнесу нужно все меньше людей, а те, кто оказываются нужны, переводятся на различные формы временной занятости; капитализм превращается “из производительного в рентный, когда богатство не производится посредством вложений в человека, технологии и инфраструктуру, но извлекается различными способами (нередко мошенническими)

крупными корпорациями и финансовыми институтами” [7, с. 84]. Современный цифровой капитализм описывается как такой, который «нашел способ превратить “свободное время” в производство незаметно для человека», он “может заставить нас производить даже тогда, когда мы стремимся любыми средствами освободиться от любой деятельности, отчуждая само наше свободное время *par excellence* не так, как это делают досуговые практики” [8, с. 55], поскольку участие в сети — это тоже производство, от которого невозможно уклониться. Подмечается, что капитализм настолько эволюционно мутировал, что уже нет смысла описывать его нынешнее состояние как дисфункцию, когда, согласно Д. Греберу, на своих рабочих местах люди заняты отнюдь не работой. Это нормальное состояние капитализма (*все еще капитализма!*), который “меняется, адаптируясь под новые социальные и технологические условия” [9, с. 215].

СЛИШКОМ МНОГО КАПИТАЛИЗМА

Из приведенного выше далеко не исчерпывающего проблему вступления мы можем заключить следующее. Сложилась ситуация, когда множество новейших и не только явлений подвергается по инерции под понятие **капитализма или капитализма с многочисленными приставками**. Какой бы новый социальный феномен ни был обнаружен, его всегда можно рассматривать как свидетельство радикальной диверсификации капиталистического способа производства, когда в его сферу втягиваются ранее не капитализированные области человеческого бытия, например, когда семья превращается в бизнес-проект и т. д. [10]. Таким образом, “капитализма” в разных обличьях становится “слишком много” — и это дает основания предполагать, что далеко не всегда идет речь о собственно капитализме. Например, когда обнаружили “когнитивный капитал” (и, соответственно, “когнитивный капитализм”), также нашли, что, не будучи способным установить эффективный контроль над новейшими отношениями производства, новейший капитализм стремится компенсировать это изобретением новых форм контроля над самими работниками. Современный капитализм поощряет “пребывание в потоке”, в творческом экстазе, стимулирующими работу и приносящими прибыль. Но это характерно отнюдь не только для капитализма. Скорей напротив, антикапиталистическая критика одно время фокусировалась на том, что он все это уничтожает, нивелирует, подчиняя чистогану. Сейчас обнаруживается, что капитализм поощряет где только можно создание таких “зон” труда “в его идеализированных ремесленных формах” [11, р. 258], ибо «поскольку только предоставляя людям “свободное” время и пространство для

создания новых и “аутентичных” товаров, можно ожидать любых будущих доходов». Другим примером являются представления в духе, что “капитал конститутивно множественен в том смысле, что он питается разнородными формами труда и производства... Капитал – это социальное отношение или, скорее, антагонистическое социальное отношение” [12, p.128].

Такого рода универсальность понятия капитала делает его, во-первых, абстрактной “стоимостью для различных форм производства” и, во-вторых, столь же абстрактным “антагонистическим социальным отношением”. Капитал, таким образом, превращается в своего рода венец, в общее понятие, в отношение, придающее некую форму и “ранг” уже предшествующим формам социальных отношений, которые в той или иной мере антагонистические. Кроме того, как старый, так и новый дух капитализма подразумевает ряд практик, не сводящихся к идеально-типическому безличному отношению продавца и покупателя рабочей силы. Отчетливо присутствующие в раннем капитализме черты патриархальности и клиентелизма не исчезают полностью; более того, они нередко ставятся капитализму на службу. Вместе с тем современный капитализм с его прекарризацией, фрилансом, деиндустриализацией, институциональными следствиями богемной критики и т. д. порождает отношения, которые также нельзя свести к идеально-типическим капиталистическим, исходя из чего их часто считают выходящими за пределы капитализма.

Поскольку в центре внимания оказывается все больше явлений, которые не вписываются в идеально-типическое понимание капитализма, делается вывод, что капитализм идет к закату и что не хватает только сознательности, чтобы политически и организационно этот закат оформить. Сформировались подходы, с позиции которых все большее количество новых социальных феноменов фактически рассматриваются как находящиеся уже *извне* капитализма, избыточные для него. С такой точки зрения новые явления в равной степени могут осмысливаться как свидетельства деградации капитализма, как признаки его обновления (возвращаясь к “внеэкономическим” формам принуждения, капитализм вновь обнаруживает свою подлинную хищную природу) и как предвестники будущего.

Как бы то ни было, в ситуации, когда, “с одной стороны, капиталистические элиты добились беспрецедентного в истории могущества, а с другой – сам капитализм оказался как никогда несостоятельным” [13], продуктивность обсуждения современности в парадигме, вращающейся вокруг понятия “капитализм”, становится все менее очевидной.

Разочаровавшиеся имеют основание считать, что всевозможные изводы марксизма последних 50–70 лет оказались падкими на трюки дьявола по имени “капитализм”, согласившись с тем, что капитал вечен и нет ничего, кроме вечного капитализма. В то время как, быть может, нет никакого капитализма, а есть, например, векторализм, который пришел на смену мертвому капитализму и представляет собой нечто худшее, чем он [14]. Отсюда же становится закономерным появление ряда концепций, в рамках которых современность описывается уже не как капитализм. Подобного рода концепции приобретают актуальность, когда мы обнаруживаем в современности “ситуацию существования различных режимов власти и производства, в частности капиталистического и феодального, когда феодальные отношения личной зависимости помогают создавать условия капиталистического производства и усиливают капиталистическую эксплуатацию” [15, сс. 103-104]. При этом, замечает Д. Дин, “это не значит, что капиталистических отношений производства и эксплуатации больше не существует. Это означает, что другие аспекты капиталистического производства – экспроприация, господство и сила – стали настолько существенными, что любые разговоры о фикции свободных и равных игроков, встречающихся на рынке труда, сегодня утратили всякий смысл” [15, с. 112]. Дин не одинок: в период коронавирусной пандемии, по словам Я. Варуфакиса, “освобожденные от конкуренции, колоссальные платформенные компании, такие как *Amazon*, удивительно хорошо справились с крахом капитализма, заменив его чем-то напоминающим техно-феодализм” [16]. О пришествии неофеодализма также пишет Дж. Коткин, чей нередко тенденциозный, но остроумный анализ обнаруживает похожие на феодальные изменения в структурах и практиках современных обществ. Наступающий новый феодализм будет являть собой причудливое сочетание новых технологий, представления о социальной иерархии как естественном порядке вещей и отказ от либерального динамизма и интеллектуального плюрализма [17].

При оценке этих теорий отмечается характерное сходство: они описывают мир, в котором имеющая преимущество с капиталистической элитой готова отказаться от погони за прибылью как характерной черты капитализма, но “ни при каких обстоятельствах не откажется от власти” [18]. Наконец, как точно подмечено, «то, что схватывает наиболее радикальная критика капитализма – например, отчуждение плодов труда от их создателей и растущее накопление этого оторванного от них ресурса в каких-то удаленных резервуарах, – обнаруживается и в таких контекстах, которые определение капитализма списком признаков не

учитывает: в других экономических системах — советский “государственный капитализм” — или других областях человеческих отношений — как отношения насилия, доверия или знания». В данном контексте капитализм сводится к “производству неравенства”, а общество описывается как пучок различных “экономических взаимоотношений”, одни из которых “капиталистичны”, а другие — нет [19, сс. 88-89].

Такому уже чрезмерно широко и расплывчато понимаемому “капитализму” противопоставляется столь же расплывчатый “посткапитализм”, термин, который больше ориентирует на внутренние трансформации капиталистической системы, постепенно перерождающейся в нечто иное, но пока еще не полностью выходящее за пределы имеющейся системы [20]. Масла в огонь давно уже добавляют неоллиберальные и либертарианские идеологи, которые сетуют на то, что собственно “капитализм” давно уже идет к закату или совсем умер, так и не успев реализовать всех своих возможностей прогресса, эмансипации и повышения уровня общественной морали [21]. При этом они указывают на многочисленные факты притеснений, неравенства, эксплуатации в современных обществах, которых бы не было, если б капитализму не мешали свободно развиваться; говорят о том, что современному Западу не помешало бы что-то вроде новой Реформации, которая бы повысила в его культуре долю состязательности, индивидуальности, склонности к самовыражению [22, сс. 10-11].

Описанная выше ситуация в области теории имеет вполне очевидные политико-идеологические последствия. Прежде всего в обществах, пронизанных разного рода некапиталистическими формами эксплуатации, угнетения и неравенства (в том числе и в облике “посткапитализма” [23]), приобрели популярность теории, согласно которым современный капитализм есть “испорченный” некапиталистическими, а порой и откровенно докапиталистическими практиками капитализм. И, следовательно, он нуждается в лечении, в возврате к утраченной норме. Иными словами, сегодня идеально-типические капиталистические отношения могут для некоторых социальных групп выступать в качестве утопии. С этой же точки зрения неслучайным становится и расцвет интерсекционализма. (Под интерсекционализмом мы понимаем широкий спектр политических течений, которые исходят из представления, что в современных обществах степень угнетения и неравенства определяется “пересечением” классовых, расовых, гендерных и иных факторов [24, сс. 391-397].) Картина мира его политических активистов исходит из разделения всякого угнетения на “современное” (капиталистическое) и “укорененное в древности” патриархатное, расовое, гендерное и пр. Поэтому,

как мы уже отмечали ранее, «деятельность интерсекционалистов фактически выливается в попытки привести капитализм к утопически завершенному облику. Показательно, что в этом их деятельность совпадает с устремлениями неоллиберальных реформаторов, которые указывают на еще не исчерпанный эмансипаторский потенциал “чистого капитализма” и его моральные преимущества перед разного рода “архаикой и варварством”» [25, с. 46].

Следует отметить, что представители интерсекционализма в ряде моментов оказываются более отвечающими духу современности, чем марксистские и прочие левые ортодоксы. Эти “прикладные постмодернисты” [26, pp. 35-36] исходят из понимания современности как квинтэссенции всех предшествующих ей и остающихся внутри нее антагонистических отношений, а не из повторения мантр про базис и надстройку и про капитализм, конец которого представить тяжелее, чем конец света [27]. (Конечно, трудно отделаться от впечатления, что ранние интерсекционалисты выглядят адекватнее современных, потому что, нащупав упускаемую ранее проблематику, они не успели сделать из нее доведенные до абсурда выводы. Но проблема в том, что сделать эту идеологию достаточно влиятельной политической силой смогли пока только “прикладные постмодернисты”.)

ЕЩЕ “КАПИТАЛИЗМ” ИЛИ СНОВА “ПРЕДЫСТОРИЯ”?

Так или иначе, граница между капитализмом, “не-капитализмом” и посткапитализмом фактически и теоретически исчезает. Описания современности со всеми присущими ей многообразными отношениями (в том числе и откровенно некапиталистическими в классическом смысле) порождают вопрос: почему это все еще называется капитализмом, пусть даже и дисфункциональным, инклюзивным и пр.?

Исходя из сказанного, становится правомерным рассматривать капитализм как одну из систем отношений, которая в определенный момент достигает доминирования и использует предшествующие ей методы политического и иного принуждения как универсальные. Иными словами, капиталистические отношения вырастают из докапиталистических, не отрицая их окончательно, а, скорее, продолжая. Р. Лахман замечает, что “сегодня мы все еще боремся с институтами, которые флорентийские патриции, голландские олигархи, испанские конкистадоры, французские и английские землевладельцы, купцы и бюрократы создали для сохранения тех привилегий, которых они добились в результате элитных конфликтов. Мы пойдем нашу собственную социальную реальность и опознаем возможности переделать

наш собственный мир, когда осознаем процессы, при помощи которых элиты и классы преодолели старые ограничения и создали новые, которые и сделали их самих и делают нас капиталистами поневоле” [28, с. 431].

Резонно предположить, что для облика общества, в которых капитализм в определенный промежуток времени приобрел главенствующую роль, не меньшее значение имеет то, кем “капиталисты поневоле” **оставались по доброй воле**. Традиционно докапиталистические отношения рассматривались подобно рудиментам прежних времен, нечто существующее в порах капиталистического способа производства, паразитирующее на них (как, например, Маркс рассматривает ростовщичество [29, с. 623]) или, напротив, подчиненное капитализму всецело. Альтернативный этому взгляд предполагает, что в истории классово-антагонистических обществ такие отношения *обречены воспроизводиться также и на этапах, следующих за теми, на которых они возникли*. Косвенным свидетельством признания данной точки зрения является возрастающий интерес к проблематике неопатримониализма, клиентелизма, ренты. Сегодня мы встречаемся с фактами сочетания разнообразных практик неравенства и эксплуатации, отношений, завязывающихся по поводу знания и доверия, и т. д. Конфигурация этих практик в современности может осмысливаться как современный капитализм с приставками или как предпосылки “посткапитализма”, “неофеодализма”. При этом показательно, что даже на уровне теории **различие между видами того, что осмысливается как все еще капитализм или уже как “посткапитализм”, не имеет качественного характера**, поскольку остается в рамках предыстории. В зависимости от степени человеколюбия или выраженности алармизма облик будущего предстает более или менее гуманным. Но в этом будущем, как правило, акцентируются роль творческого труда и неприятие труда остального; постулируется неизбежность проблемы “лишних людей”, которую придется решать либо путем благотворительности со стороны “креативного класса” и выстраивания чего-то вроде квазифеодальных отношений, либо посредством введения “базового дохода” и т. д.

Описанные выше теоретико-идеологические коллизии не удивительны и даже закономерны. Они происходят потому, что мы выходим из-под влияния нескольких теоретических аксиом, являющихся плодом предшествующей эпохи. Так, до недавних пор воспринималось как само собой разумеющееся, что мы живем на стадии исторического развития, обозначаемой как “капитализм”, и что эта стадия в зависимости от идеологических предпочтений теоретика либо продлится еще неопределенно долго, либо сменится “социализмом”, а затем “коммунизмом”. Но эта ситуация не могла сохраниться по при-

чине того, что “социализм” (*а именно он является ведущим элементом в этой парадигме*) временно сошел со сцены как идеология и общественный строй. Крах “социализма” на практике и дискредитация его в теории ударили и по “капитализму”, поскольку львиную долю смысла он обрел в противопоставлении социализму.

Понятие “капитализм” изначально не отличалось ясностью и не было научным. Оно было впервые (во второй половине XIX в.) четко артикулировано и сформулировано как антитеза и отчасти альтернатива “социализму” в условиях современных обществ. В то же время социализм даже в гораздо более поздних определениях противостоял **не только капитализму, но в целом любым отношениям неравенства и эксплуатации**, имеющим место быть в истории человеческих обществ. Например, у Ленина “социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящихся, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации” [30, с. 281]; социализм является полным освобождением трудящихся от всякого политического и экономического угнетения; “состоит в уничтожении товарного хозяйства” [31, с. 127]; “такое общественное устройство, в котором не будет нищеты масс, не будет эксплуатации человека человеком” [32, с. 202]. Социализм понимался как общество, в котором нет эксплуатации человека человеком, неравенства, частной собственности и т. д., то есть как мироустроительный проект, противостоящий всей предыстории человечества целиком. Соответственно, капитализм впервые появился на арене как утопия, альтернативная этому проекту, цель которой состояла в том, чтобы имеющиеся отношения эксплуатации и неравенства поставить на службу прогрессу. Капитализм был идеализацией некоторой части находящихся в рамках предыстории отношений, обретших силу в относительно недавние по историческим меркам времена. В частности, у А. Шеффле, по замечанию Е. Наумовой и Е. Соколова, «получается довольно-таки идиллическая и вполне в духе утопистов не двадцатого века “картинка”... “буколический пейзаж”, не имеющий отношения к тому, что было (и к тому, следует прибавить, что будет). Аргументом выступает “естественно-справедливая природа развития капитализма” (но не реальности), связываемая с индустриальным прогрессом (наделенным статусом приоритетности), где труд каждого – это вложение в общую копилку, степень наполненности которой с неизбежностью ведет к повышению степени социальной умиротворенности и умиротворенности... Шеффле обосновывает тезис, что либеральный капитализм – это и есть лучшая форма социализма (курсив мой. – Л.Ф.)» [33, с. 37]. В конечном счете “капитализм” «не предусматривает никакой строгой “феноменологической фик-

сацией” или соотнесения с фактами реальности... В этом отношении он функционирует – и успешно функционирует! – наряду со столь же “пустыми” терминами-концептами последних двух с половиной веков, как “человек”, “прогресс”, “классовая борьба”, “экономика” и пр.» [34, сс. 34–35].

Поэтому не удивительно, что Маркс, являющийся для многих образцом научности, это понятие не использовал, хотя оно и возникло в его времена. Маркс рассуждал о человеческой истории, отчуждении, буржуазии и пролетариате, капитале. Но дискурс Маркса не вращался вокруг “капитализма”, который был преимущественно идеологическим феноменом, утопией гармоничного, саморегулирующегося, прозрачного для самого себя рыночного общества [34]. То же самое касается и “социализма”, который для Маркса и Энгельса являлся разновидностью учения, отчасти существующего в рамках наличных, в том числе буржуазных, но не только, отношений неравенства и эксплуатации, отчасти являющегося реакцией на них, которая апеллировала как к абстрактным соображениям социальной справедливости, так и к добуржуазным представлениям о достойной человека жизни². Поэтому в парадигме взгляда Маркса на историю связка “капитализм/социализм” была вторична, идеологически и феноменологически находилась “внутри” того, что он считал человеческой предисторией.

КОНЕЦ “КАПИТАЛИЗМА” – НЕ КОНЕЦ ПРЕДЫСТОРИИ

Для Маркса предистория была “экономической формацией”, включающей все от рабовладения до буржуазного строя. В предистории мы сталкиваемся, с одной стороны, с отношением людей к природе, к собственности как к средствам производства *самих себя*; отношение к себе опосредовано необходимыми условиями такого производства – общиной, божеством, властителем и пр., с другой – с отношениями, когда условиями воспроизводства и производства одних людей становятся другие, то есть когда сами работники низводятся к положению природных объектов (вроде рабов, крепостных) либо требуются в качестве таковых даже не полностью, обезличенно, частично – в виде “труда” [36, с. 488]. Все это предполагает известные формы принуждения, более или менее откровенное насилие.

² Исчерпывающим образом отношение Маркса и Энгельса к социализму изложено в “Манифесте коммунистической партии”, где показывается почти полная обусловленность социализма наличным феодальным и буржуазным мировоззренческим горизонтом, в силу чего он имеет либо откровенно реакционный, либо консервативно-буржуазный, либо утопический характер [35].

Как отмечают П. Кондрашов и К. Любутин, “для периода предистории характерно доминирование, даже почти тотальное господство такой формы деятельности, как *работа*”. Последняя характеризуется отчуждением ее результатов от своего производителя; процесс работы является “*принужденным (мучительным) и противопоставляется у Маркса “целесообразной деятельности” (труду), которая “не терпит никакого принуждения и рабства”* [37, сс. 53–54]. Производство продуктов первой необходимости в предистории осуществляется “в форме вынужденной и принудительной (репрессивной) деятельности” [37, с. 55]. Характерное для предистории отчуждение проявляется “в виде действительного повседневного голода, страдания, взаимного равнодушия и ненависти” [37, с. 65]. Вслед за указанными авторами следует обратить внимание на универсально-репрессивную сторону “экономической” формации, которая только в утопии капитализма представляется как нечто отделенное от насилия. В действительности у Маркса нет четкой грани между “экономическим” и “внеэкономическим” принуждением, поскольку и то и другое оказывается в пределах “экономической формации”, которая насильственна и принудительна по определению. Утрируя, можно сказать, что “экономика” это и есть “насилие” и принуждение, как является насилием и принуждением все, что остается в рамках “царства необходимости”.

Следует также заметить, что, исходя из такого понимания предистории для обозначения сменяющих друг друга “стадий общественной эволюции”, сколько бы их ни было, Маркс не случайно прибег к метафоре “формации”, отсылающей к формациям геологическим. Эта метафора подразумевает, что предшествующие капитализму отношения не исчезают и не теряют своего значения, оставаясь основой новых вариантов социального порядка, базирующегося на различных комбинациях отношений неравенства, насилия и эксплуатации. Смысл фразы: “буржуазной общественной формацией завершается предистория человеческого общества” [38, сс. 8–9] сегодня можно понимать как то, что буржуазные отношения являются собой последние из принципиально возможных в рамках предистории типов отношений. Это означает скорее не исчезновение их в период, когда они уже перестают быть господствующими, а их новые комбинации с другими типами отношений, построенных на неравенстве, насилии и эксплуатации. Поскольку сегодня нет весомых оснований предполагать, что неравенство, эксплуатация, насилие, отчуждение исчезли из бытия современных обществ и в то же время эти общества уже трудно без существенных натяжек квалифицировать как исключительно “буржуазные” или “капиталисти-

ческие”, мы оказываемся в ситуации, когда “капитализм” заканчивается, а “предыстория” – нет.

В данном контексте возвращение к Марксу является возвратом к выработке теоретической оптики, посредством которой станет возможным выделить на очередном этапе “предыстории” определяющие ее характер общественные отношения сами по себе, а не таким образом, каким они выглядят через призму обличающих, апологизирующих или даже институционализирующих и трансформирующих их политических дискурсов. В любом случае, поскольку никуда не исчезнут существенные черты и проблемы проанализированной с позиций марксизма современной эпохи, марксизм не теряет своей актуальности [39, сс. 80-81].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выражаясь утрированно, сегодня мы вновь оказываемся в еще не дифференцированной предыстории со всем накопившимся в ней разнообразием новых и старых способов угнетения и неравенства. В течение последних 200 лет навешивание на весь этот комплекс явлений единого понятийного ярлыка “капитализма” осуществлялось в тесной зависимости от тех “социалистических” утопий и вдохновляемых ими политических движений, которые ставят своей задачей преодоление любого социального неравенства и эксплуатации. И эта зависимость даже не всегда реализовалась по методу от противного: “капитализм” тоже изначально формулировался как утопия, ставящая те же цели, что и “социализм”, но достигающая их иными, представляющимися лучшими, более соответствующими человеческой природе средствами. Но парадигма социализма и капитализма была актуальна, пока отражала реальность, в которой действовали поднявшиеся и поднимающиеся классы – буржуазия и пролетариат, определявшие в целом политико-экономический облик общества. В условиях их относительного упадка мы имеем дело с другими социальными группами, являющимися во многом продуктами распада и полураспада буржуазии и пролетариата. Если у них и есть какие-то утопии, то они гораздо менее определенные, чем “капитализм” и “социализм”.

Тем не менее можно усмотреть некоторое сходство в том, каким образом современный нам интерсекционализм, а также популистские движения правого и левого толка выполняют функции социализма Марксовых времен, становясь точками кристаллизации *еще одного варианта социального порядка, остающегося в пределах человеческой предыстории*. Мы живем в эпоху заката “общества

труда”, когда все большая часть людей утрачивает действительную экономическую и военную полезность и вынуждена довольствоваться “дерьмовыми работами” [40], на которых они становятся жертвами капиталистических, некапиталистических, до-капиталистических форм угнетения и неравенства. В силу падения экономической и политической значимости трудящихся все чаще легитимным поводом для получения социальной помощи (которая все более напоминает набор привилегий) является идентификация себя как жертвы какой-либо несправедливости. Поэтому в русле становящейся мейнстримом политики идентичности многие новые социальные группы *определяют себя так, чтобы общество или представители других идентичностей оказались им должны просто по факту их существования*.

Расширение влияния этих и подобных им политических сил происходит на фоне расцвета многообразных риторик идентичности, в подоплеке которых обнаруживаются претензии на вполне материальную ренту. Иными словами, мы движемся к обществу, в котором большинство будет нуждаться в той или иной форме ренты (а не заработной платы или предпринимательского дохода) для поддержания своей субъектности. Обозримое будущее явит нам по мере институционализации интерсекционалистских мировоззренческих установок разные варианты их практического воплощения. В то же время реализуются и отталкивающиеся от них условно “правые” варианты “посткапитализма”, в которых право на социальное обеспечение будет определяться согласно прежним критериям национального гражданства и культурной идентичности. Однако в обоих, “правом” и “левом”, случаях это будут варианты того, что мы называем “рентным обществом” [41]. Если сохранится гегемония социальных слоев, традиционно обладающих собственностью и властью, то мы увидим общество, где “лишнему” большинству будут предложены варианты времяпрепровождения в виртуальных мирах или занятия узколокальными муниципальными проблемами, а также эквивалент милостыни в виде “базового дохода” или его аналогов [17, pp. 67-76]. При иных обстоятельствах возможны попытки построения современных моделей “реального социализма” с упором на развитие человеческого потенциала через создание экономики и техноструктуры, требующих участия человека [23]. Однако ни один из описанных выше вариантов решения социальных проблем все еще не станет выходом за пределы предыстории человечества. Поэтому представление о коммунизме по-прежнему останется мировоззренческим горизонтом, придающим этой предыстории смысл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Фишман Л.Г. *Происхождение демократии. ("Бог" из военной машины)*. Екатеринбург, УрО РАН, 2011. 264 с.
Fishman L.G. *The Origins of the Democracy ("God" of the War Machine)*. Ekaterinburg, UrO RAN, 2011. 264 p. (In Russ.)
2. Штрик В. Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма. *Экономическая социология*, 2019, т. 20, № 2, сс. 86-103.
Streeck W. Buying Time: the delayed crisis of democratic capitalism. *Economic Sociology*, 2019, vol. 20, no. 2, pp. 86-103. (In Russ.)
3. Покровский Н.Е. Теория конвергенции: классические основы и современные проблемы (20 тезисов). *Социологические исследования*, 1994, № 5, сс. 34-41.
Pokrovskii N.E. The convergence theory: classical foundations and modern problems. *Sociological Studies*, 1994, no. 5, pp. 34-41. (In Russ.)
4. Eisenstadt S.N. *Multiple modernities in an age of globalization*. Department of sociology and anthropology at the Truman Research Institute. The Hebrew University, Jerusalem, 1998. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ayzenshtadtsh-n-mnozhestvennost-modernizmov-v-vek-globalizatsii/viewer> (accessed 05.05.2022).
5. Щербак С. Демодернизация или внутренние противоречия Модерна? *Идеология и политика*, 2018, № 1, сс. 45-46.
Shcherbak S. Demodernization or internal tensions of modernity? *Ideology and Politics*, 2018, no. 1, pp. 45-46. (In Russ.) Available at: <https://www.ideopol.org/wp-content/uploads/2018/11/2018%201.%204.%20Rus.%20Scherbak.%20Demodernization%20Ed.pdf> (accessed 05.05.2022).
6. Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности*. Москва, СПб., Изд-во Института Гайдара, Изд-во "Международные отношения", Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016. 464 с.
Beugelsdijk S., Maseland R. *Culture in economic science: history, methodological reasoning and areas of practical application in modern times*. Moscow, SPb., Izd-vo Instituta Gaidara, Izd-vo "Mezhdunarodnye otnosheniya", Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2016. 464 p. (In Russ.)
7. Канарш Г.Ю. Современный капитализм: факторы трансформации. *Знание. Понимание. Умение*, 2021, № 1, сс. 83-97.
Kanarsh G.Yu. Modern capitalism: factors of transformation. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2021, no. 1, pp. 83-97. (In Russ.) DOI: 10.17805/zpu.2021.1.6
8. Афанасов Н.Б. Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм. *Галактика медиа: журнал медиа исследований*, 2019, № 1, сс. 43-61.
Afanasov N.B. Spare time as a new form of labor: digital professions and capitalism. *Galaktika media: zhurnal media issledovaniy*, 2019, no. 1, pp. 43-61. (In Russ.) DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00002
9. Павлов А. Бесплатные деньги в мышеловке надзорного капитализма: базовый доход и социальная теория. *Социологическое обозрение*, 2020, т. 19, № 2, сс. 198-224.
Pavlov A. Free Money in a Mousetrap of Surveillance Capitalism: Basic Income and Social Theory. *Russian Sociological Review*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 198-224. (In Russ.) DOI: 10.17323/1728-192X-2020-2-198-224
10. Черняева Н.А. Индустрия детства и постфордизация родительства и семейной сферы в России. Постфордизм: концепции, институты, практики. Ильченко М.С., Мартыанов В.С., ред. Москва, РОССПЭН, 2015, сс. 238-259.
Chernyaeva N.A. The industry of childhood and post-Fordization of parenting and the family sphere in Russia. *Post-Fordism: concepts, institutions, practices*. Il'chenko M.S., Mart'yanov V.S., eds. Moscow, ROSSPEN, 2015, pp. 238-259. (In Russ.)
11. Banks M. "Being in the Zone" of Cultural Work. *Culture Unbound*, 2014, vol. 6, no. 1, pp. 241-263. DOI: 10.3384/cu.2000.1525.146241
12. Roggero G. The General Illumination Which Bathes all the Colours: Class Composition and Cognitive Capitalism for Dummies. *Culture Unbound*, 2014, vol. 6, no. 1, pp. 113-125. Available at: <https://doi.org/10.3384/cu.2000.1525.1461>
13. Проценко Н. "Я с пессимизмом смотрю на людской интеллект, но с оптимизмом – на волевое действие". Памяти исторического социолога Ричарда Лакмана. Горький, 28.09.2021.
Procenko N. "I look at human intelligence with pessimism, but with optimism – at volitional action". *In memory of the historical sociologist Richard Lachman*. Gor'kii, 28.09.2021. (In Russ.) Available at: https://gorky.media/context/ya-s-pessimizmom-smotryu-na-lyudskoj-intellekt-no-s-optimizmom-na-volevoe-dejstvie/?utm_source=vk.com&utm_medium=social&utm_campaign=o-knigah-vydayuschegosya-amerikanskogo-istor&utm_content=55041553 (accessed 17.11.2021).
14. Кобрин К. Стало хуже, но есть надежда. *Неприкосновенный запас*, 2020, № 4 (132), сс. 327-340.
Kobrin K. It got worse, but there is hope. *Neprikosnovennyy zapas*, 2020, no. 4 (132), pp. 327-340. (In Russ.) Available at: <https://maple-butter.herokuapp.com/course/https://magazines.gorky.media/nz/2020/4/stalo-huzhe-no-est-nadezhda.html> (accessed 17.11.2021).
15. Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? *Логос*, 2019, т. 29, № 6, сс. 103-104.
Din D. Communism or neo-feudalism? *Logos*, 2019, vol. 29, no. 6, pp. 103-104. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunizm-ili-neofeodalizm/viewer> (accessed 17.11.2021).

16. Varoufakis Y. The Seven Secrets of 2020. *Project Syndicate*, 28.12.2020. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/seven-secrets-revealed-by-2020-by-yanis-varoufakis-2020-12> (accessed 17.11.2021).
17. Kotkin J. *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*. New York, Encounter Books, 2020. 274 p.
18. Катасонов В. Инклюзивный капитализм как идеология. *Русский лад*, 19.01.2021.
Katonov V. Inclusive capitalism as an ideology. *Russkii lad*, 19.01.2021. (In Russ.) Available at: <https://rus-lad.ru/news/v-katonov-inklyuzivnyy-kapitalizm-kak-ideologiya/> (accessed 17.11.2021).
19. Коллектив Анархия+. Возвращаясь к определению капитализма: “структурный капитализм”. *Эгалитэ*, 24.05.2021, сс. 86-98.
Anarchy Collective+. Returning to the definition of capitalism: “structural capitalism”. *Egalite*, 24.05.2021, pp. 86-98. (In Russ.) Available at: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2FD718nWfOXjjSwuxBDO4FlLb34gUYLEEk9sf9iDbnlkM2zqcD8vHOMurO8x%2FXx6yLq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D&name=Egalite_Predolevaya_kapitalizm.pdf (accessed 17.11.2021).
20. Павлов А.В. Социально-философские перспективы безусловного базового дохода. *Философские науки*, 2020, № 3, сс. 105-118.
Pavlov A. V. Socio-philosophical perspectives of an unconditional basic income. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2020, no. 3. pp. 105-118. (In Russ.) DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-3-105-117
21. Палмер Т.Дж., ред. *Нравственность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей*. Москва, Новое издательство, 2012. 138 с.
Palmer T.G., ed. *The Morality of Capitalism: What Your Professors Won't Tell You*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2012. 138 p. (In Russ.)
22. Фелпс Э. *Массовое процветание: Как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2015.
Phelps E. *Mass Flourishing: How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change*. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2015. (In Russ.) Available at: <https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/6840/Phelps%20OnLine.pdf> (accessed 17.11.2021).
23. Давыдов Д.А. *Посткапитализм и рождение персоналиата*. Москва, РИПОЛ классик, 2021. 336 с.
Davydov D.A. *Post-capitalism and the birth of personalities*. Moscow, RIPOL klassik, 2021. 336 p. (In Russ.)
24. Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. СПб., Питер, 2002. 688 с.
Ritzer G. *Modern Sociological Theory*. SPb., Piter, 2002. 688 p. (In Russ.)
25. Фишман Л.Г. Посткапитализм и последняя (анти) утопия нашего времени. *Полития*, 2020, № 2, сс. 40-53.
Fishman L. G. Post-capitalism and last (dys)topia of our time. *Politeia*, 2020, no. 2, pp. 40-53. (In Russ.) DOI: 10.30570/2078-5089-2020-97-2-40-53
26. Pluckrose H., Lindsay J. *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham, Pitchstone Publishing, 2020. Available at: https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/Plakrouz_Cynical-Theories_RuLit_Me_688928.pdf (accessed 17.11.2021).
27. Фишер М. *Капиталистический реализм*. Москва, Ультракультура 2.0, 2010.
Fisher M. *Capitalist Realism*. Moscow, Ul'trakul'tura 2.0, 2010. (In Russ.) Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/fisher-mark/kapitalisticheskij-realizm> (accessed 17.11.2021).
28. Лахман Р. *Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени*. Москва, Территория будущего, 2010. 512 с.
Lachmann R. *Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe*. Moscow, Territoriya budushchego, 2010. 512 p. (In Russ.)
29. Маркс К. Критика политической экономии. *Капитал*. Т. 3. Москва, Изд-во политической литературы, 1951. 932 с.
Marx K. Kritik der politischen Oekonomie. *Das Kapital*. Vol. 3. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1951. 932 p. (In Russ.)
30. Ленин В.И. Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов? *Полное собрание сочинений*. Т. 1. Москва, Изд-во политической литературы, 1967, сс. 125-346.
Lenin V.I. What are “friends of the people” and how do they fight against the Social Democrats? Lenin V.I. *Complete works*. Vol. 1. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1967, pp. 125-346. (In Russ.)
31. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. *Полное собрание сочинений*. Т. 17. Москва, Изд-во политической литературы, 1968, сс. 57-137.
Lenin V.I. The agrarian question in Russia by the end of the XIX century. *Complete works*. Vol. 17. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1968, pp. 57-137. (In Russ.)
32. Ленин В.И. К вопросу о рабочих депутатах в думе и их декларации. *Полное собрание сочинений*. Т. 22. Москва, Изд-во политической литературы, 1969, сс. 202-207.
Lenin V.I. On the issue of workers' deputies in the Duma and their declaration. *Complete works*. Vol. 22. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1969, pp. 202-207. (In Russ.)

33. Наумова Е.И., Соколов Е.Г. Формирование понятия “капитализм”. *Дискурс*, 2018, № 4, сс. 30-44.
Naumova E.I., Sokolov E.G. Formation of the concept of “Capitalism”. *Discourse*, 2018, no. 4, pp. 30-44. (In Russ.) Available at: <https://discourse.etu.ru/assets/files/naumova-e.i.-sokolov-e.g.pdf> (accessed 17.11.2021).
34. Розанваллон П. *Утопический капитализм. История идеи рынка*. Москва, НЛО, 2007. 256 с.
Rosanvallon P. *Utopian capitalism. History of the Idea of the market*. Москва, NLO, 2007. 256 p. (In Russ.)
35. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. *Сочинения*. Т. 4. Москва, Изд-во политической литературы, 1955, сс. 419-459.
Marx K., Engels F. Communist Manifesto. *Works*. Vol. 4. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1955, pp. 419-459. (In Russ.)
36. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. *Сочинения*. Т. 46. Ч. I. Москва, Изд-во политической литературы, 1968, сс. 461-508
Marx K. Forms preceding capitalist production. *Works*. Vol. 46. Ch. I. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1968, pp. 461-508. (In Russ.)
37. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Социально-философские основания периодизации истории в концепции К. Маркса. *Философия и общество*, 2007, № 4, сс. 51-67.
Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Socio-philosophical foundations of the periodization of history in the concept of K. Marx. *Filosofiya i obshchestvo*, 2007, no. 4, pp. 51-67. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskie-osnovaniya-periodizatsii-istorii-i-kontseptsii-k-marksa/viewer> (accessed 17.11.2021).
38. Маркс К. К критике политической экономии. *Сочинения*. Т. 13. Москва, Изд-во политической литературы, 1959, сс. 1-167
Marks K. To the criticism of political economy. *Works*. Vol. 13. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1959, pp. 1-167. (In Russ.)
39. Романовский Н.В. Маркс остается крупнейшей фигурой современной мировой социологии. *Социологические исследования*, 2018, № 5, сс. 74-83.
Romanovskii N.V. Marx Remains a Greatest Figure in Contemporary Sociology. *Sociological Studies*, 2018, no. 5, pp. 74-83. (In Russ.)
40. Гребер Д. О феномене бесполезных работ. *Фрагменты анархистской антропологии*. Москва, Радикальная теория и практика, 2014, сс. 150-156.
Greber D. On the phenomenon of bullshit jobs. *Fragments of anarchist anthropology*. Moscow, Radikal'naya teoriya i praktika, 2014, pp. 150-156. (In Russ.)
41. Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. Москва, Издательский дом “Высшей школы экономики”, 2019. 44 с.
Fishman L.G., Mart'yanov V.S., Davydov D.A. *Rental society: in the shadow of labor, capital and democracy*. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2019. 44 p. (In Russ.)